

Они падают

Ольга Гердт

В Большом танцевали премьеру — три балета **Леонида Мясина** — «Треуголка», «Предзнаменования» и «Парижское веселье». Перенос спектаклей на сцену Большого театра осуществил сын легендарного хореографа Лорка Мясин.

Перед премьерой поползли слухи, что в Большом снова «эпидемия» — солисты берут больничные, а постановщик Лорка Мясин недоумевает, почему артисты в этом театре такие болезные. Премьера подтвердила, что с труппой и впрямь что-то не так. На «Треуголку» специально выписали солиста Парижской оперы Жозе Мартинеза. С «Предзнаменованиями» справились своими силами, но г-н Непорожний чуть не уронил г-жу Аллаш, а артистка Рыжкина упала сама, причем на ровном месте. Что до «Парижского веселья» — веселье не получилось ровно потому, что девчонки, танцевавшие канкан, как раз отказывались падать — на шпагат они сажались так, словно боялись себе что-нибудь отбить.

Боялись, впрочем, не все. Мужественно освоила каблук и сложные ритмы фламенко Мария Александрова в «Треуголке» — не сказать, что была как рыба в воде, но ведь и больничный не взяла. Чудо как хороша была Екатерина Шипулина в «Предзнаменованиях», а в «Парижском веселье» от души резвились японцы Мориhiro Ивата в роли перуанца и упоительно грациозная Лунькина с ревновавшим ее ко всем подряд Марком Перетокиным. То есть те, кто хотел получить удовольствие, получили его и даже зрителям доставили. Но непонятно как завалившуюся премьеру мясинской тройчатки это не спасло. Премьера не провалилась, а именно завалилась, накренилась, как упрямая Пизанская башня, демонстрирующая всем своим видом: стоять меня так заставили, но знайте, что я этого не хочу, упаду при первой возможности, и никто меня за это не осудит.

И это самое неприятное, потому что если от колоритных персонажей, которых теперь пруд пруди на каждой премьере Большого (сразу видно, у генерального директора заканчивается контракт и появилось много желающих подвести итоги), тяжело вздыхающих: «Ужас! На что в Большом тратят теперь деньги?», отмахнуться еще можно, сказав им, как отрезав: «На дело тратят, на ликвидацию вашей неграмотности!» — то от артиста, который труд, суть и цель всего этого процесса, не отмахнешься. Его надо как-то заставить работать. То есть стоять, держать и падать. А он не хочет. И это, увы, видно.

А казалось бы — какие возможности открываются! Мясин ведь не что-то новое, скорее, хорошо забытое старое. Все эти балеты — азбука и хрестоматия мировой сцены — поставлены в 1919 («Треуголка»), 1933 («Предзнаменования») и 1938 («Парижское веселье») годах. И все здесь чертовски интересно. И уникальная манера хореографа, умеющего представить что фламенко («Треуголка»), что канкан («Парижское веселье»), что острые углы экспрессионистской пластики так, как будто это какая-то неизвестная линия развития той же классики. И его броски в будущее — танцсимфония «Предзнаменования» на музыку Пятой симфонии Чайковского поставлена как будто не в тридцатые, а в шестидесятые годы (а может, так кажется потому, что Мясина уже растащили на цитаты и приемы, пока мы до него добрались?). А его лапидарность — сюжет «Треуголки» в один акт укладывает все то, на что в традиционном балете понадобилось бы три действия с пантомимой и дивертисментом. Да даже то, наконец, инте-

ресно, что Мясин — Мясин!! — плоть от плоти свой, из Большого театра, даром, что родину оставил, но ведь прославил ее, и теперь во всем мире его балеты танцуют как «русские»! Да в конце концов, в «Треуголке» декорации самого Пабло Пикассо...

Все это можно сказать артистам (и тем, что старались, и тем, что падали — со всеми бывает, и тем, что откосили), но в дрожь бросает от самой мысли, что все это — надо объяснять, чтобы вдохновлять. Уподобившись ведь худруку балета Алексею Ратманскому, которому, наверное, так за державу стало обидно, что в буклете, посвященном премьере, он вдруг разразился язвительной отповедью солисту, заявившему: «Балетам Мясина не место на сцене Большого театра». Будешь, как он, доказывать, что дело артиста танцевать, хореографа ставить, а Мясина исполнять, — ну точно не позорнее, чем медузами ходить в «Коньке-Горбунке» или гроб по сцене таскать в «Последнем танго».

Интересно проанализировать ход его мыслей, если только это высказывание есть результат мыслительного процесса, — пишет хореограф о солисте, имеющем мнение по поводу Мясина. А я думаю, это мнение не надо анализировать, поскольку оно, конечно, сродни мнению тех, кто запрещал балеты Шостаковича и наезжал на «Детей Розенталя», но имеет другую природу. Ведь ровно потому, что в этой стране депутаты и артисты норовят не свою работу делать, а театрами управлять, и получается: вместо вступительной статьи — оправдания, вместо балетов — сожаления об упущенных возможностях, а вместо рецензии — фельетон.

Если кто-то не знает, кто такой Мясин, — это человек справа от Дягилева. 1910-е годы

18.04.05.
Известия - 2005
18 апр. - с. 14.